

Цзя Му, неожиданно выдернутая из своих мыслей земным поклоном госпожи Ван, пришла в себя.

Она понимала, что эта невестка истолковала всё неверно, но объясняться не собиралась. Переведя взгляд на Цзя Чжипо, она произнесла:

— Лянь-эр, скажи-ка ты.

Уголки рта Цзя Чжипо слегка дёрнулись.

Он вынужден был признать, что этот ход госпожи Ван был разыгран безупречно. Подавшейся назад, ей удалось поставить дело так, будто это он, Цзя Чжипо, воспользовался удобным случаем и заставил собственную тетку сложить с себя полномочия домоправительницы.

Краем глаза он заметил, что госпожа Син уже едва усживалась на месте, а в её глазах так и сверкало нетерпение.

Цзя Чжипо мысленно вздохнул.

По всем правилам это место должно было принадлежать старшей жене старшей ветви рода. Будь жива его родная мать, госпожа Чэнь, всё решилось бы само собой. Но если отдать его этой...

Он был уверен наотмашь: если госпожа Син в самом деле полезет напролом, то нынешнее прекрасное положение дел разлетится вдрещ в ту же минуту.

— Как распорядиться — это дело вашей старости, старая госпожа. Можете оставить управление за второй теткой, но подобному повториться не дозволено. Уверен, будь дед жив, ему бы такое зрелище тоже не пришлось по душе.

Поразмыслив с минуту, Цзя Му взмахнула рукой, выпроваживая из горницы всех прочих и оставляя при себе лишь Цзя Чжипо да девчонку Фэн.

— Лянь-эр, раз уж ты сам вытащил на свет историю со второй внучкой, спустить это на тормозах не получится. По крайней мере, матушке Баюя больше не дозволено ведать домом.

Я столько лет наблюдаю за нашими людьми, и путного толку в них — разве что от девчонки Фэн. Именно поэтому, когда матушка Баюя заикнулась о том, чтобы та взяла на себя хозяйство, я не стала чинить препятствий.

В моих планах твой батюшка — человек пустой. В вашем поколении всю тяжесть рода придется нести твоему второму дяде, но в поколении твоих детей так продолжаться не может. Если бы вы с девчонкой Фэн приняли дела из рук второго дома, это бы тоже сошло за верную дорогу. Но ты возьми да откажись. Что у тебя в голове творится?

Ван Сифэн была всё-таки молода: услышав слова старой госпожи, она едва не открыла рот,

чтобы дать согласие. Но тут же, вспомнив недавние предостережения Цзя Чжипо, накрепко прикусила язык. Пожалуй, стоило сперва послушать, что ответит второй господин.

Цзя Чжипо внутренне усмехнулся. Эта старуха сохраняла поразительную ясность ума. Не будь оно так, она бы в своё время, после столь внезапной кончины Цзя Дайшаня, ни за что не удержала в узде репутацию особняка Жунго.

Вот только сердце её излишне клонилось в одну сторону. Цзя Чжипо прекрасно знал: госпожу Ван она ни в грош не ставила. Зато к своему второму сыну, Цзя Чжэну, питала такую слепую нежность, что порой, теряя голову, готова была пренебречь всем остальным.

Слова Цзя Му вовсе не означали, что она и впрямь жаждет выслушать мнение внука. Она пыталась вынудить Цзя Чжипо сдать назад и заставить Ван Сифэн принять бразды правления. В конце концов, даже после женитьбы Цзя Чжипо отдалился от второго дома не настолько, чтобы перестать быть родственником, а Ван Сифэн приходилась госпоже Ван кровной племянницей.

Однако в этот момент Цзя Чжипо ни за что не согласился бы взвалить на плечи жены эту отравленную ношу. Пару дней назад он тихонько подослал несколько надежных людей проверить казну по общественным книгам. В особняке Жунго — таком солидном и видном месте — на балансе оставалось едва ли чуть больше двадцати тысяч лян. Еще больше потрясло Цзя Чжипо то, что реальной наличности, которой можно было свободно распоряжаться в кладовых, едва ли набралось бы на несколько тысяч.

Стоило учесть, что одни лишь приносящие доход имения, значившиеся по ведомостям, ежегодно давали не меньше двухсот тысяч лян. И это с учетом того, что львиную долю прибирали к рукам ушлые слуги.

— Фэн-эр еще молода, мы только что поженились, а детей у нас пока нет. Я не хочу обременять её лишними хлопотами.

Цзя Чжипо замолчал, а затем круто сменил тон: — Впрочем, раз старая госпожа высказалась до такой степени, я не могу выказывать неблагодарность.

Услышав это, Цзя Му просияла довольной улыбкой.

Но Цзя Чжипо тут же добавил:

— Позволить Фэн-эр заняться хозяйством можно. Однако у меня есть условие: я лично просмотрю все счета. Что именно мы принимаем на баланс — должно быть выложено до последней черты на свету.

Лицо Цзя Му мгновенно потемнело.

Хитрый внук. Хотя она и не знала досконально всех тайн кладовой, дурное положение дел понимала отчетливо. Иначе жена второго сына не спешила бы так отчаянно избавиться от этой обузы.

Старая госпожа отчетливо сознавала: госпожа Ван нацелилась на приданое Ван Сифэн. Стоит той принять счета и собственными глазами увидеть жалкие остатки родового достояния, неужели она рискнет снова заявить о себе и пойти трепать нервы госпоже Ван? В конце концов ей придется залеплять прорехи за счет собственных средств.

Цзя Му понимала всю неблагоприятность этого шага, но что она могла поделать? Эта женщина в конце концов была родной матерью Баоюя.

— Ладно, ступайте-ка оба к себе. Старухе хочется побыть в тишине. О хозяйственных делах поговорим позже.

Цзя Чжипо и Ван Сифэн бок о бок вышли из зала Жунцин и направились в свое небольшое подворье.

А в Зале Жунси госпожа Ван в сердцах разбила еще один изысканный чайный сервиз.

Цзя Чжэн, выйдя из зала Жунцин, не обмолвился с ней ни единым словом и прямым ходом направился в покои Тетушки Чжао. Госпоже Ван оставалось лишь молча возвратиться к себе.

— Неблагодарная тварь!

Чем больше думала об этом госпожа Ван, тем сильнее её заливало желчью.

Первая жена Цзя Шэ, госпожа Чэнь, испустила дух как раз в то время, когда разрешилась от бремени Цзя Чжипо.

Цзя Шэ тогда едва не тронулся рассудком и чуть не угробил новорожденного сына.

Именно Цзя Чжэн вырвал ребенка из его рук и, переговорив со старой госпожой, забрал малыша на воспитание во второй дом. Иными словами, не будь второго дома, Цзя Чжипо давно бы отправился на тот свет.

Позже, когда Цзя Чжипо немного подрос, а у самой госпожи Ван родился Баоюй, она уже физически не могла за ним приглядывать, и мальчика вернули в главный двор. Однако в сердце Цзя Чжипо навсегда сохранилась благодарность к родному второму дому.

Именно ради этого госпожа Ван изо всех сил сводила Ван Сифэн и Цзя Чжипо в супружескую пару. Выдать самую крутовластную девицу их поколения из клана Ван замуж в Клан Цзя — если говорить без обиняков, затевалось всё ради того, чтобы привязать к себе Цзя Чжипо и в

будущем обеспечить Баоюю надежную опору.

Из-за того, что в Клан Цзя выдавали дочерей два поколения подряд, за спиной семейства Ван уже начали шептаться языки.

Кто бы мог подумать, что, женившись на Перце Фэн, Цзя Чжипо полностью переменится. Он начал избегать встреч со вторым домом, а нынче так и вовсе растоптал достоинство второго дома прямо на глазах у толпы.

Цзиньчуань стояла за спиной госпожи Ван, и у неё мелко дрожали колечки ног. Только те служанки, что прислуживали госпоже вблизи, ведали, до чего страшен бывает её гнев.

Не прошло и нескольких дней, как из зала Жунцин пришло распоряжение: велеть Ли Вань и Ван Сифэн вести хозяйство вдвоем, но во главе поставить Ли Вань.

Цзя Чжипо мысленно отдал должное этому ходу старой госпожи. Понимая неугомонный нрав своей жены, он без колебаний дал согласие.

Стоило Ван Сифэн взять бразды правления в свои руки, как она тут же сменила всю прислугу на кухне особняка Жунго. Старуха Лю, заправлявшая кухней, получила два десятка палок и была с позором выгнана из усадьбы. Остальную челядь разослали по загородным поместьям.

Слава о Перце Фэн загремела на весь дом.

Заведение Дунлайшунь тоже распахнуло свои двери. В день открытия Цзя Чжипо не только созвал целую толпу старых знакомых и друзей для создания веса, но и устроил вседневную бесплатную дегустацию.

Сами кулинарные приемы были внове, а бульонные основы — ароматными и насыщенными. Едва открывшись, ресторанчик покориł вкусы всех столичных сановников в городе Шэньцзин.

Цзя Юнь, наблюдая за ежедневной выручкой, едва успевал поворачиваться, но рот его расплывался до самых ушей.

Не прошло и десяти дней со дня открытия, как Дунлайшунь принес три тысячи лян серебра. В дальнейшем торговля, пожалуй, пойдет поскромнее, но если Цзя Юнь продолжит следовать проложенной Цзя Чжипо дороге, зарабатывать по шестьдесят тысяч чистейшего серебра в год не составит ни малейшего труда.

Цзя Чжипо сидел на втором этаже Дунлайшуня в отдельном кабинете высшего разряда и, перелистывая принесенные Цзя Юнем счетные книги, довольно кивал.

— Юнь-эр справляется отлично, действуй смелее. В дальнейшем у второго дяди найдется для тебя дело поважнее.

Цзя Юнь почтительно отвесил поклон и ответил:

— Всем обязан поддержке второго дяди. У меня к нему дело, хотелось бы услышать совет.

— Какое еще дело? Говори.

— Есть у меня друг на вольных дорогах — прямой, верный слову человек. Немало помогал мне в прошлые годы. Нынче мне хочется вытянуть его за собой, да вот не знаю, уместно ли будет. Прошу второго дядю наставить.

Брови Цзя Чжипо сошлись на переносице, но в мыслях уже всё прояснилось:

— Как звать этого человека?

— Ни Эр.

Глава десятая. Дед Чэнь Мэнлэй

— Пьяный Ваджра Ни Эр?

Цзя Чжипо хлопнул себя по лбу: догадаться следовало раньше.

В изначальной истории у Ни Эра с Цзя Юнем уже имелись давние приятельские отношения. В первый раз Ни Эр появляется на страницах романа именно из-за дел Цзя Юня. Теперь же всё просто случилось на несколько лет раньше, ничего страшного.

Цзя Юнь опешил:

— Второй дядя тоже знает Ни Эра?

Он никак не ожидал такого. Прозвище этого человека — Пьяный Ваджра, он крутится в самых низах на перекрестках улиц, и известность его не выходит за рамки квартала. По сравнению с такими отпрысками знатных родов, как Цзя Чжипо, разница была неизмерима. Не умри отец Цзя Юня так рано и не доведись им перебиваться с хлеба на воду в прошлые годы, он бы ни за что, даже с кровью Жунго-гуна в жилах, не сошелся с Ни Эром.

Уловив взгляд Цзя Юня, Цзя Чжипо понял, о чем размышляет парень.

— Я с ним не знаком, — произнес Цзя Чжипо. — Но мальчишки-слуги, закупающие припасы

для усадьбы, пару раз упоминали его как человека слова.

Услышав это, Цзя Юнь почувствовал, как у него на душе посветлело.

В те годы, когда им приходилось тяжелее всего, они с Ни Эром жили по соседству, и тот не раз выручал их семью. Теперь же, когда его собственные дела пошли в гору, ему естественным образом хотелось отплатить за добро. Сначала он опасался, что связь с подобным человеком с темного дна вызовет у Цзя Чжипо отвращение. Но судя по тону, второй дядя относился к Ни Эру вполне сносно.

— Всё верно, — кивнул Цзя Юнь. — Когда мне приходилось туго, мы с матушкой выживали лишь благодаря помощи Ни Эра. Потому я и мечтал отплатить ему за добро при первой возможности.

Слова эти отозвались в сердце Цзя Чжипо глухим раздражением.

Потомки особняка Жунго докатились до того, что были вынуждены просить помощи у уличного люда, чтобы выжить. В конечном счете в этом крылась вина всего особняка Жунго и лично Цзя Чжэня как главы рода. Разумеется, будь матушка Цзя Юня из тех сородичей, что каждые три дня обивают пороги усадьбы в поисках подачки, их жизнь не сложилась бы столь тяжко.

Но эта пятая невестка обладала гордым нравом и не унижалась до того, чтобы кланчить еду. Сама справлялась, сама жила. Прежде ни Цзя Чжэнь, ни Цзя Шэ, ни даже сам Цзя Чжипо и ему подобные никогда не вспоминали об этой матери с сыном.

— Вы бедствовали по вине клана, — сказал Цзя Чжипо. — Впредь ваша жизнь наладится. Что до Ни Эра — приведи его через пару дней, я хочу на него взглянуть.

Внезапно он почувствовал к Ни Эру интерес.

Дел перед ним предстояло немало, а людей со связями в низах отчаянно не хватало. Этот Ни Эр вполне мог сгодиться для какого-нибудь серьезного поручения.

Цзя Юнь поспешно отозвался:

— Слушаюсь.

Прихватив из харчевни тысячу лян серебра, Цзя Чжипо вернулся в усадьбу. Едва переступив порог, он заметил выстроившихся во дворе старших кухарок и экономок, по очереди заходивших в покои Ван Сифэн с докладами. Ничего не сказав, он свернул в восточный флигель.

Там помещалась комната Пиньэр.

Впрочем, ночевать здесь Пинъэр теперь почти не доводилось. С тех пор как с полмесяца назад Цзя Чжипо зазвал её разделить постель вместе с Ван Сифэн, Пинъэр переселили в основные покои. Восточный же флигель стоял пустым, служа лишь для отвода глаз.

— Господин, у ворот доложили, что вы вернулись, и госпожа велела мне узнать, почему это вы пожаловали сюда?

Цзя Чжипо лежал на кровати, с наслаждением листая «Весну и Осень».

Увидав входящую Пинъэр, он с улыбкой поманил её к себе.

Лицо Пинъэр залилось кражей.

За те дни, что она прислуживала Цзя Чжипо, она успела досконально изучить нрав второго господина Лянь. В любовных утехах тот был мастак на самые разные затеи. К тому же, обычно мягкий с виду, в постели он проявлял непреклонную власть.

<http://bllate.org/book/19342/1891419>